

Алмаз Хамзин

Маэстро

184

Рафаэль Сахабиев

НА СЦЕНЕ Татарского академического театра оперы и балета имени Мусы Джалиля идёт концерт, посвящённый Международному женскому дню 8 Марта. На сцене народный артист Татарстана Рафаэль Сахабиев. Он душевно поёт о девушках-звёздочках, которые воспаляют сердца жарким пламенем вдохновения.

Природа щедро одарила Рафаэля, наделив его редкой красоты голосом. Красивого тембра лирический баритон, впервые прозвучавший на этой сцене в 1976 году, стал со временем ещё краше, глубже, проникновенней. Впрочем, ещё не окончив консерватории

студенту Сахабиеву была предложена одна из главных партий, роль Ислама в опере «Джигангир» композитора Р. Губайдуллина. Молодой певец раскрыл предложенный образ естественно и убедительно. Статная фигура Сахабиева, аристократическая внешность как нельзя лучше подходили для постановок оперного театра. В одном из своих очерков народный писатель Татарстана Марсель Галиев писал: «Ясно-голубые, чуть выпуклые, иудейские глаза, светло-золотистые волосы, клубящиеся волнами, в сочетании с красивым голосом, будто специально были созданы для сцены, для ролей аристократов XIX века – графов, князей... Костюм всегда сидит на нём, как литой, воротник рубахи накрахмален, галстук подобран со вкусом...» Словом, ни дать ни взять – денди лондонский или парижанин какой!

Рафаэлю Ахатовичу принадлежат более трёх десятков ролей в различных операх и опереттах. Безупречный татарский язык позволил ему добрую половину их исполнять в спектаклях нашего национального репертуара. Однако совершенно естественно вписывался он в роли героев и «Летучей мыши» Штрауса, и «Севильского цирюльника» Россини, и «Чио-Чио-сана» Пуччини... То есть «своим парнем» он был и в зарубежной классике.

Отдельная страница в его творчестве – концертная и филармоническая деятельность. Композиторы доверяли певцу премьеры своих песен. Он великолепно исполнял произведения Р. Яхина, Н. Жиганова, С. Садыковой, Ф. Ахметова, Р. Абдуллина, Л. Батыркаевой, Р. Ахияровой... Тесные творческие узы связывали его с композитором Рашидом

Абдуллиным и поэтом (ныне народным) Разилем Валеевым. Современные песни в исполнении Сахабиева особенно по душе пришлись нашей молодёжи.

Итак, 8 Марта, сцена театра оперы и балета, поёт Рафаэль Сахабиев:

**Ах, девушки-звёздочки,
Горите же ярче!
Горите и разжигайте в нас
Пламя любви!**

Песня кончилась, очарованный зал, словно очнувшись, взорвался бурными аплодисментами. Женщина, сидевшая рядом, спросила:

– Откуда он родом?

Я с гордостью, словно причастен к успеху артиста, ответил:

– Наш он! Из аула Шингальчи, что на Нижней Каме.

Соседка живо присоединилась к несмолкавшим аплодисментам.

Увидев в зале классиков татарской литературы Сибгата Хакима и Аяза Гилязова, я стал громко просить песню «Өянкеләр» («Плакучие ивы»).

Я знал, что народ непременно поддержит меня. Так и вышло. Зал принял скандировать:

– «Өянкеләр!» Давай «Өянкеләр»!

Соседка присоединилась к хору зрителей, хотя сама, похоже, не знала, что это за песня.

Я спросил её: откуда она?

– Из Челябинска. А что?

– Да ничего, – кивнул я. – Всё ясно.

Рафаэль откликнулся на пожелание публики:

**К кому ж мне обратиться, ивы,
Как не к вам?
Ведь так же, как и вы,
Я так давно живу на свете.**

Я слышал, что Аяз Гилязов не может без слёз слушать эту песню и после слов «Ивы мои, кто же теперь поклонится вам?» начинал якобы утирать обильные слёзы. В тот вечер я убедился в этом воочию.

У меня комок подступил к горлу. Соседка по другую сторону от меня произнесла с горечью:

– В ауле моём уж не осталось ив, нет, не осталось...

Каждый по-своему воспринял песню, но настроение она придала всем одинаковое.

Сейчас, став взрослее, мы чаще видимся с Рафаэлем. И в родной аул вместе наведываемся, бываем на сабантуях, беседуем о культуре, творчестве и людях, причастных к ним.

С тех пор, как он в театре оперы и балета довёл Аяза-абый Гилязова до слёз, минуло уж больше 25 лет.

– Ты, Рафаэль, – завожу я как-то разговор, – имеешь успех не только на оперной сцене. На любом концерте с блеском исполняешь и народные, и эстрадные песни. Особенно за душу берут вещи протяжные, грустные, заставляющие сопереживать певцу и задуматься о чём-то своём, глубоко личном.

– Да, Алмаз, – отвечает он на последнюю часть моей тирады. – Такие песни ведь наиболее характерны для нашего многострадального народа.

– Не всякому такое удаётся.

– Думаю, настоящий певец всё должен уметь, независимо от жанра.

– В твоих выступлениях большую роль играет и драматическое начало, особенно в опере и опереттах, – продолжаю я.

– Сцена – не радио, – замечает Рафаэль, – заставляет с головой окунуться в образ. Сцена – это и движение, и жест, и мимика, и экспромт, и одежда... Она требует полного перевоплощения. У радио свои особенности. Здесь важна полная концентрация настроения, духа, голоса... Тут уж ни жестом, ни костюмом не поможешь.

Замечу общеизвестное, Рафаэлю особенно удаются роли юмористические, весёлые. Все эти его Фигаро, Сарвары, Генрихи... просто уморительны, смешны до слёз. Секрет этого понятен тем, кто хорошо знает острослова и шутника Рафаэля Сахабиева. Народному артисту Татарстана Эдуарду Трескину принадлежат такие слова о нём: «Об-

ладает неистощимым чувством юмора, который успешно реализуется на большой сцене». И ещё Трескин замечает, что Сахабиев очень любит литературу, много читает и сам написал цикл занимательных рассказов о своём детстве. Об этом мы, его друзья-земляки, прекрасно знаем. А для широкого круга его почитателей хочется сказать: большой талант не бывает сам по себе, он должен иметь прочную основу, питаться источниками разных пластов культуры.

Рафаэль продолжает:

– На радио я много записывался. Грех жаловаться. Мои песни слышали в самых отдалённых аулах республики и за её пределами. Но есть и другая сторона медали. Десятки моих записей, сделанных в былые времена на радио, так и не дошли до народа, складываются где-то. Среди них романсы, оперные арии, произведения разных композиторов, народные песни, образцы русской и зарубежной классики... Чего только нет!

– И в самом деле, где всё это?

– Кто знает! Радиостанций теперь немало, а программы они выстраивают однообразные, узкие по жанрам, тематике, исполнителям.

– Помню, как песня Луизы Хайретдиновой на слова Рагиля Файзуллина «Вот и мы подросли, мама!» звучала на улицах нашего аула. Твой голос лился из динамика с высоченного столба. Она о том, как повзрослевший паренёк, покидая любимый аул, поёт своей матери на прощание и сравнивает себя с диким гусём, улетающим в далёкие края... Как же было твоей матери слушать эту песню?

– Она говорила мне: «Полно, сынок, не пой её! Лучше почаще навещай меня!»

– Ты как-то начал было рассказывать о творческой дружбе своей с Рустемом Яхиным. Тебе позвонил тогда внук Нариман, и разговор наш прервался.

– Да, верно. Мне довелось быть первым исполнителем немалого количества его песен и романсов. Это «Романтика» на стихи Рамазана Байтимерова; «Моя Идель», «Плакучие ивы» на слова

Сибгата Хакима; цикл романсов... Исполнять музыку Рустема Яхина – одно удовольствие.

– Я чаще видел тебя в обществе Фасиля Ахметова.

– О-о! Это великий композитор. И юморист. Мы были с ним неразлучными друзьями. Фасиль-абый учил меня в консерватории по части гармонии. Это не очень лёгкий предмет, и нам, мальчишкам из аулов, не всегда он был по зубам. Поэтому Фасиль-абый объяснял нам всё очень мягко, тактично, особые сложности показывал на своём примере, а на экзаменах выходил в коридор – предоставлял возможность пользоваться, так сказать, различными вспомогательными средствами. Его музыка своеобразна, неповторима, присуща только одному ему. Я обожал исполнять его песни, такие как «Цветок льна» на слова Рагиля Валеева, «Моют девчата окна» на слова Ахсана Баяна, романс «Не утешай меня» на слова Рагиля Файзуллина.

– А как сложились отношения с Мирсаидом Яруллиным?

– Тоже были друзьями. С песней «Казан утлары» мы объехали весь Советский Союз. Тогда же я познакомился с известными композиторами России – Яном Френкелем и Оскаром Фельцманом. Мирсаид-абый для меня был примером во многом – в целеустремлённости, пунктуальности, аккуратности и даже в отношении к одежде. Он вообще являл собою стопроцентную правильность. Нравилась мне и его выверенная речь. Он никогда не говорил ничего лишнего.

– А из оперных певцов кто-то оказал на тебя влияние?

– Конечно! Великие мировые голоса демонстрировали высочайшее певческое искусство, задавали высоту, куда следовало стремиться. Очень важна была помощь, оказанная мне выдающимся певцом, режиссёром и педагогом Ниязом Даутовым. Помню, я уже работал в театре, когда он приехал из Челябинска. Театр тотчас начал работать совершенно по-другому. Мэтр учил нас, как надо передвигаться по сцене,

как работать над образом и, главное, как поверить в себя в роли, которую исполняешь. Нам, молодым, Даутов доверял большие партии. Артисты моего поколения бесконечно благодарны Ниязу Курамшевичу.

– Твой внук Нариман Сахабиев своим юным певческим даром очаровал всю республику, удивил участников международных и российских фестивалей.

– Он и меня удивил, хотя к вершинам певческого мастерства мы шли с ним планомерно. На фестивалях в Австралии, Чехии, Москве он завоевал звание лауреата, получил Гран-при на конкурсе имени Муслима Магомаева, стал стипендиатом Фонда Владимира Спивакова. Всё это, естественно, вызвало чувство глубокой удовлетворённости и чего уж там скромничать – безусловной гордости. С помощью Спивакова Нариман также добился блестящего успеха, выступая в лучших концертных залах Нью-Йорка, Франции, Турции...

В беседах последнего времени мы обязательно вспоминаем друзей, которых уж с нами нет.

– Время летит неумолимо, – вздыхает Рафаэль. – Казалось бы, только вчера с Рашидом Абдуллиным обсуждали ту или иную песню, как её исполнять, а уж все творения его давно осиротели, звучат без авторского присутствия. Замечательный был композитор. Он удивительно гармонично умел связывать национальное с современным. Мне повеселилось исполнять многие его песни, написанные на стихи Разиля Валеева. Хорошо, что всё-таки выпустили солидный диск с четырнадцатью его популярными композициями. Произведения высокого класса не должны умирать вместе с их создателями.

Нет вот среди нас и Хайдара Бигичева, который, помнится, припозднился с поступлением в консерваторию. Но когда экзаменаторы услышали, как он поёт и оценили его необыкновенно богатый голос с какими-то неопируемыми национальными нотками, консерваторские

двери для молодого таланта были распахнуты, хотя вступительные экзамены к тому времени давно уже завершились. Хайдару так же, как и многим нам, повезло: его жизнь в театре совпала с возвращением туда Нияза Курамшевича Даутова. Хайдар оказался главной опорой выдающегося режиссёра. В самом деле, не было у нас певца, способного исполнить партию Джика в опере Н. Жиганова «Алтынчач» на уровне Бигичева. Хотя в быту Хайдар казался несколько флегматичной натурой, на сцене он преображался. Его герои были полны драматизма и заставляли переживать за них.

Опера «Джалиль» – великое творение Назиба Жиганова. Если бы не было в то время Хайдара Бигичева, постановка её, думается, не смогла бы состояться. Я в этом спектакле играл роль лейтенанта Казанфарова. Все мы равнялись на Бигичева, старались не снижать заданного им исполнительского уровня. Когда в конце оперы Хайдар исполнял арию «Прощай, Казань», я, будучи за сценой, не мог удержать слёз. Всем известный дирижёр Фуат Мансуров также говорил: «Без слёз арию Джалиля слушать невозможно».

– Рафаэль, мне кажется, рассказывая о других, ты как-то принижаешь свою собственную роль в театре. Ведь в «Джалиле» ты исполнял довольно сложную партию Казанфарова, в «Севильском цирюльнике» выступал в главной роли – Фигаро, в «Евгении Онегине» – в роли Онегина, в «Снегурочке» – Мизгиря, в «Фаусте» – Валентина, в «Алтынчач» – хана, в «Джигангире» – Ислама, в «Самате» – Нургаяза, в «Башмачках» исполнял роль Вафы... Таким репертуаром мало кто может похвастать.

– О моих творческих возможностях, мастерстве, работе судить не мне. О себе говорить не совсем интересно. А вот о друзьях – другое дело. Хотя в моей оценке, по правде говоря, они не нуждаются. Народ знает их, ценит и любит. Мунир Якупов, Зиля Сунгатуллина, Хайдар Бигичев, Руслан Даминов, Клара Хайретдинова, Саид Раинбаков, Равиль Идрисов – все мы певцы одно-

го поколения, все стали известными в пору, когда опера наша переживала взлёт.

– В опереттах ты особенно хорош и необычен! – замечаю я.

– О-о, это я люблю! – улыбается Рафаэль. – Хочу рассказать о весёлом случае, который произошёл в «Сильве». Там я играл отставного генерала-инвалида и от начала до конца спектакля должен был перемещаться в коляске. В последнем эпизоде я встал и с бокалом в руке пошёл на своих ногах.

Увидев это, зал покотился со смеху. В классической постановке этого нет. Я сам придумал. Режиссёру из Петербурга такой пассаж понравился. Он велел повторять его и в последующих постановках.

Да, люблю я музыкальные комедии. Там можно от души развернуться. Если в опере надо строго держаться в рамках, то в оперетте допускается отсебятина. Старший наш товарищ по сцене Азат Аббасов, впрочем, такое не любил. Выдашь, бывало, какую-нибудь импровизацию, так он после, в гримёрной, ругался: «Ты, ёлки-палки, давай-ка прекращай это!»

Я и мизансцены по-своему строил. За это меня в консерваторию на должность режиссёра-педагога пригласили. Светлана Назиповна (дочь Жиганова) однажды сказала мне:

– Иди-ка ты к нам режиссёром.

– Да не смогу я, – говорю.

– Сможешь, сможешь! – настояла она.

Вот так оказался в консерватории. Теперь я – режиссёр-педагог, доцент. Одна из моих учениц – Влада Баравко в Лондоне поёт. Студенты мои работают в Уфе, Ижевске, Саранске, Волгограде. Есть у меня сейчас один татарский паренёк – Яромиром зовут. Очень перспективный! Голос, внешность, диапазон, тембр – всё превосходно!

Нередко в наших разговорах Рафаэль переходит от частного к общим соображениям:

– Иногда слышу: «Опера устарела. И вообще, нужна ли она в современ-

ном, динамичном мире?» Порой и не найдёшься что ответить! Но ответ, конечно же, ясен. Опера – один из показателей высокого искусства народа, его истории, традиции, культуры... В опере – вокал, драма, танец, живописное искусство – всё связано в один букет. Замечу, эстрадный артист-исполнитель и солист оперы – это люди совершенно разных частей света. Опера – вечное искусство. Эстрада бесконечно меняет своё обличье, а опера веками остаётся практически неизменной, является одним из столпов культуры человечества. Но для того, чтобы опера процветала, необходима поддержка государства. Оперу нужно на государственном уровне пестовать, развивать, готовить для неё молодые и национальные кадры.

Когда-то я участвовал в фестивале «Молодые голоса России». Были там и Марусин, и Сметанников... Построили всех нас на сцене. Происходило это в Государственном центральном концертном зале «Россия». С заключительным словом к нам вышел великий Иван Семёнович Козловский. Он сказал: «Опера – это такое искусство, которое не умрёт никогда. Искусство без оперы и представить себе невозможно». Сказал он это и пропел несколько вдохновенных фраз на самой высокой ноте. Долго тянул. Надо сказать, свой неповторимый голос он сохранил до самых почтенных лет. Потом обошёл нас, будущих солистов, с благословляющим рукопожатием, которое выражало его надежду на светлое будущее искусства оперы.

В назидание молодым хочу вспомнить такой случай. Один мой средней одарённости студент сказал мне: «Я еду в Бельгию на конкурс». Я переспросил скептически: «Куда, куда?» Он обиделся. И надо же, всё-таки поехал мой студент на этот конкурс в Бельгию и получил второе место. Я от всей души поздравил его и подумал: любому из нас надо ставить перед собой самые высокие цели и делать всё, чтобы их достичь.

*Перевод с татарского
Азалии Килеевой-Бадюгиной*